

Напольских В.В. (Ижевск – Гёттинген)

**Происхождение удм. *śuan* ~ мар. *śjan* ‘свадьба’
(об одной забытой этимологии)¹.**

В современном удмуртском литературном языке понятие ‘свадьба’ обозначается словом *śuan* (диал.: (закам.) *śuān*). Именно как *свадьба* (нем. *Hochzeit*) переводится удм. *śuan* и в большинстве словарей [Wichmann 1987: 238; УРСл 1983: 52]. Такое значение данного удмуртского слова, без сомнения, является результатом модернизации, установления более или менее однозначного соответствия русскому понятию ‘свадьба’ в удмуртском языке. На самом деле в удмуртской народной культуре словом *śuan* обозначается (и по сей день) часть свадебного обряда: празднество в доме невесты, после которого она переезжает в дом жениха; приезжающие на это празднество родственники жениха, увозящие затем невесту, называются *śuanći*. Такое значение удм. *śuan*, *śuanći* отражено в словарях Б. Мункачи и Ю. Вихманна [Munkácsi 1896: 468; Wichmann 1987: 238]. Вторая часть свадебного обряда – празднество в доме жениха после переезда туда невесты называется *berjš (vetlon)* (видимо, от удм. *ber* ‘(время) после, (место) позади, за’), соответственно родственники невесты именуются *berjšjos*, *berjš vetlišjos*. Дополнительно уточнить значение слова *śuan* позволяет, в частности, следующий пример: *śuanen lĭkto tros icĭmeñ niĭnĭ* ‘*śuanom* / *с śuanom* приезжают много (народу) невесту увозить’ [Wichmann 1987:238],– в данном случае, судя по употреблению совместно-творительного падежа, слово *śuan* уже не может означать ‘празднество в доме невесты’ (в таком случае следовало бы ожидать иллатива или датива), но означает нечто, с чем или с помощью чего, на чём приезжают родственники жениха.

Значение удм. *śuan*, однако, не ограничивается рамками свадебного обряда. Этим словом обозначаются также ещё некоторые важные обряды, при этом, в отличие от описанной выше части свадебного обряда (просто *śuan*), всякий раз – с соответствующим определением:

– *nunĭ śuan* – букв. (в современном «словарном» значении) ‘свадьба младенца’: праздник по случаю рождения ребёнка, отмечаемый через несколько дней после родов (рус. *бабы каши*);

– *korka śuan* – букв. ‘свадьба избы’: новоселье;

– *żažeg śuan* – букв. ‘свадьба гуся’: у удмуртов Башкирии жертвоприношение и моление, совершаемое во время и по случаю осеннего забоя гусей;

– *kulem murt śuan* – букв. ‘свадьба умершего человека’: осенние и весенние поминки; в связи с тем, что на этих поминках в жертву предкам мужского пола обычно приносилась лошадь, употреблялось также название *val śuan* – букв. ‘свадьба лошади’.

Естественно, переводить *śuan* как ‘свадьба’ во всех этих случаях едва ли возможно: указанные обряды не содержали никаких свадебных реминисценций (кроме поминок, о чём см. ниже). Важно при этом, что данные названия, по-видимому, довольно старые, отражающие «вчерашний день» традиционной культуры, так как в современной традиции, когда слово *śuan* приобрело значение ‘свадьба’ они в силу кажущейся их дву- или бессмысленности вытесняются другими (например, *kulem murt śuan* сегодня практически забыто и заменено на описательный термин *ĵir-pĭd śoton* ‘давание головы и ног (животного)’).

Для всех названных обрядов (включая свадьбу) характерны следующие общие черты: совершение молений благодарственного и благопожелательного характера (кроме свадьбы), участие значительного количества родственников и соседей, обильное угощение и возлияния, в общем радостное, приподнятое настроение собравшихся – что особенно интересно, в том числе и во время поминок, и это обращало на себя внимание исследователей, ср., например, у У. Хольмберга о *kulem murt süan*: “на этом празднике в отличие от других поминальных дней царит радостное настроение, поются свадебные мелодии” (выделение моё – В. Н.) [Holmberg 1914: 37]. Именно последняя особенность выделяет указанные обряды среди множества других: характерно, например, что ни один календарный праздник, где присутствуют и моление, и угощение, и большое число собравшихся, но господствует как правило серьёзный настрой, не называется словом *süan*.

Рассматриваемое слово имеется и в марийском языке: (Г, Л) *süan*, (В) *süjän* ‘свадьба’ (приводимые в различных словарях формы с *s’*- иррелевантны, так как противопоставление *s* ~ *s’* в марийском языке не имеет фонематического значения). Помимо значения ‘свадьба’ мар. *süjän* используется также в композите (В) *kuŷo süjän* – букв. ‘большая свадьба’ – для обозначения поминок на сороковой день после смерти, когда совершались окончательные проводы души умершего в иной мир, и когда считалось, что ангел смерти *kijamat-tora* прилетает к праздничному столу, чтобы женить умершего, если он умер холостым [Raasonen 1948: 114-115].

Мар. *süjän*, *süan* рассматривается некоторыми авторами как заимствование из удмуртского. Основанием для этого служит предположение о собственно удмуртской этимологии для *süan*: < ППерм. **šo(j)*- ‘есть, кушать’ (удм. *ši-*) + *-*an* суффикс отглагольных существительных (удм. -*on*). ППерм. **šojan* ‘еда’, собственно говоря, нормально отражено в современных пермских языках: коми *šojan*, удм. *ši(j)on* ‘еда’. Предполагается, что в древнеудмуртском ППерм. **šojan* якобы приобрело значение ‘свадебный пир’ > ‘свадьба’, после чего произошло “расщепление” слова, а фонетически **šojan* в принципе могло дать в удмуртском *ši(j)on* (очередной случай “пермского умлаута”, ср. также чередование удм. *ši-* ‘есть, кушать’ ~ *šud-* ‘кормить’) [Bereczki 1992: 125]. Г. Берецки указывает, однако, на то обстоятельство, что в марийском языке ни в одном диалекте не произошёл в данном слове нормальный переход **s* > *š*, и объясняет это тем, что в здесь перед нами – весьма позднее заимствование из удмуртского. Любопытно, однако, что слово *süan* является при этом общемарийским.

Предлагаемая Г. Берецки пермская этимология удмуртского *süan* почерпнута им, вероятно, из “Уральского этимологического словаря” К. Редеи, где удм. *šuan* (sic! – видимо, опечатка, так как формы на -*m*, кажется, не существует) ‘свадьба’ помещено в словарном гдезде ПФУ **sewe-/ *seye-* ‘есть, кушать’ [UEW: 440]. Мне не удалось выяснить, принадлежит ли данная этимология К. Редеи, или она была заимствована им из работ других авторов, но складывается впечатление, что она представляется названным выше исследователям достаточно очевидной, бесспорной и не нуждающейся в комментариях.

Между тем, есть все основания сильно сомневаться в правоте К. Редеи и Г. Берецки. Фонетически удм. *süan* действительно без проблем можно было бы возводить к ППерм. **šojan*, если бы не странное “сохранение” *a* во втором слоге: пермский суффикс отглагольных существительных *-*an* даёт в удмуртском только -*on* (разумеется, исключая глаголы на -*anj*, которые в данном случае не при чём).

Гораздо больше непонятого в семантике. Восходящее к ППерм. **šojan* удм. *šion* не может и едва ли когда-либо могло иметь значение ‘(свадебный) пир’, так как означает ‘еда – то, что едят (нем. die Speise, das Essen)’ или ‘еда – процесс поедания чего-либо (нем. das

Essen)² – в последнем случае с обязательным определением (указанием поедаемого объекта), так, например, *tabań sion* может означать ‘поедание лепёшек’ или ‘еда, состоящая из лепёшек’, *parś sil' sion* – ‘поедание свинины’ или ‘еда из свинины’ и т. д. Для обозначения же ‘приёма пищи’ (нем. das Mahl) употребляется слово *siskon* – образование с помощью того же суффикса *-on* от возвратно-дуративного глагола *siskini* ‘питаться, находиться в состоянии еды’. Если вернуться к упомянутым выше названиям удмуртских обрядов и заменить в них *śuan* на “этимологически правильное” *sion*, то большинство из них приобретут абсолютно абсурдное значение: **nuni sion*, например, придётся переводить либо как ‘еда младенца (которую есть младенец)’, либо как ‘поедание младенца (его едят)’, причём последнее значение будет неизбежно приходиться в голову носителя языка; выражение *śuanen lĭkto* ‘с *śuanom* приезжают’ (за невестой – см. выше) придётся переводить как *sionen lĭkto* ‘с едой приезжают’, что также звучит странно, так как родственники жениха отнюдь не везут с собой еду, но она ожидает их в доме родителей невесты.

Естественно, возражения такого рода выглядят на первый взгляд не совсем корректно: значение современного удм. *sion* не обязательно должно совпадать со значением ППерм. **śojan*. Однако, и данные коми языка не дают возможности предполагать значение ‘пир, приём пищи (нем. das Mahl’ для ППерм. **śojan* : коми *śojan* означает абсолютно то же самое. что и удм. *sion* : ‘еда (пища, корм)’ (ср. немецкий перевод коми слова у Д.Фокош-Фухса: ‘Speise, Futter, Kost, Lebensmittel’ [Fokos-Fuchs 1959: 966]). Отглагольные существительные на *-an* в коми языке “ни в малой мере не отмечают развития действия или действенной ситуации, а отмечают только их содержание” [Бубрих 1949: 126]. Ещё меньше оснований предполагать значение ‘пир’ для ППерм. **śojan* будет, если принять во внимание, что суффикс **-an* первоначально должен был служить для образования причастий [Веке 1954: 101]. Таким образом, эволюция семантики ППерм. **śojan* может быть представлена следующим образом: ‘относящийся к процессу еды’ > 1) ‘съедобный, подлежащий поеданию’; 2) ‘еда (nomen abstractum), пища’. Возможность появления в какое-то время значения ‘приём пищи’ > ‘угощение, пир’ нельзя, наверное, исключить совершенно, но всерьёз воспринимать такую возможность без дополнительных доказательств (их нет) не приходится.

Кроме того, дополнительным аргументом против реконструкции ППерм. **śojan* в значении ‘угощение, пир’ > ‘свадьба’ служит полное отсутствие каких-либо следов таких значений у слова *śojan* в коми языке, – в то время как предполагаемый “умлаут” в древнеудмуртском и общемарийское распространение этого, якобы пермского, слова (при принятии этимологии К. Редее – Г. Березки) однозначно должны были бы указывать на его древнее, прапермское происхождение.

Когда речь идёт о культурном термине общем для удмуртского и марийского языков, тем более – обозначающем такое легко эволюционирующее и подвергающееся всякого рода модификациям явление как свадьба, прежде всего необходимо – исходя из историко-культурных и географических соображений – рассмотреть возможность тюркского происхождения данного слова. Тюркская этимология была предложена для удм. *śuan* ~ мар. *süan* ещё в начале нашего столетия Х. Паасоненом и совершенно незаслуженно забыта сегодня. Он сопоставил удм. *śuan* ~ мар. *süan* (о значении слов см. выше) с морд. (Э) *suvońćej* ~ *suvońžej*, (М) *śəməńcä* ~ *śufəńcä* ‘радостная весть (по поводу свадьбы, рождения ребёнка и т.д.)’ и возводил все эти слова к тюркскому корню **süjün* ‘радоваться’, откуда тю. **süjünci* ~ **süjüneč* ‘радость, радостная весть; вестник, принесший радостную весть’ > тат. *söjönü* ‘радоваться’, *söjönčë* ‘радостная весть’, *söjönčë* ‘радость’; казах. *süjün* ‘радоваться’; чагат.

süjünž ‘радостное известие’; алт. *sügünči* ‘радость’ [Paasonen 1902: 267]. Тюркские слова восходят, в конечном счёте к тюр. **süj-* ‘любить’ [Радлов 1911: 796, 803].

Приведённые выше мордовские слова по своей семантике настолько хорошо согласуются с удм. *śuan* во всём комплексе его значений, что имеет смысл привести здесь этнографический комментарий Х. Паасонена по их поводу [Paasonen 1996: 2075-2076]:

– морд. (М) *śufǎńcä* (ср. удм. *śuanći*) : “старший дружка и крёстный отец жениха идут после венчания в церкви вдвоём в дом родителей жениха, чтобы сообщить его отцу и матери *радостную весть* (*śufǎńcäń azma*), в то время как все другие участники свадьбы ждут на улице; они говорят: “Мы – издалека пришедшие гости, не пустите ли вы нас в дом ?” “Добро пожаловать”, – отвечают им и угощают; они возвращаются к остальным участникам свадьбы и свадебный поезд движется далее”;

– морд. (Э) *suvonźej* : “мужчина в одежде умершего верхом на коне бывает посылаем, чтобы созвать родственников на поминки на сороковой день”;

– морд. (Э) *suvonźej*, *suvonćej*, (М) *śamǎńcä* : “название подарков по случаю рождения. Так называются подарки, которые роженица посылает женщинам своего рода и рода мужа после рождения первого ребёнка”;

– в качестве иллюстрации использования данного слова для обозначения “вестника / вести к богам или от богов” (функция жертвенных животных в удмуртских обрядах – см. выше): морд. (Э) *od-kovuška matuška*, *ńiške-pazon śuvonźej* ‘новая лунушка матушка, вестница Нишке-паза’.

Итак, удм. *śuan* ~ *śuan*, мар. *süan* ~ *süjan*, морд. (Э) *suvonćej* ~ *suvonźej*, (М) *śamǎńcä* ~ *śufǎńcä* могут рассматриваться как заимствования из тат. *söjǎn* (čě) с исконным значением ‘радость, радостная весть’. Фонетически марийское слово выводится из татарского без каких-либо проблем (таким образом, отпадает необходимость говорить о “позднем общемарийском заимствовании из древнеудмуртского”). Удмуртское слово также вполне закономерно отражает фонетический облик татарского (тат. *s* > удм. *ś* в палатальном окружении, тат. *-VjV-* > удм. *-∅* по крайней мере в четырёх случаях [Csúcs 1990: 36, 41-42]). Важно и наличие формы *śuanći* в удмуртском, осмысляемой как *nomen agentis* с заимствованным из татарского языка суффиксом *-ći*, хотя скорее всего она является отдельным заимствованием из тат. *söjǎnčě* ‘вестник радости; радостная весть’ (*nomen agentis* с тем же суффиксом *-čě*, откуда удм. *-ći*). Возвращаясь к пермской этимологии для удмуртского *śuan*, предлагаемой К. Редее и Г. Берецки, нельзя не отметить, что, хотя суффикс *-ći* достаточно продуктивен в удмуртском языке, тем не менее нет, как будто, ни одного случая, когда бы он присоединялся к отглагольному существительному на *-on*, образованному от собственно удмуртского глагола (типа *śuan-ći* < **śijon-ći*): Из более чем двадцати слов, кончающихся на *-ńci* в удмуртском языке [Насибуллин, Дудоров 1992: 34] лишь *aldanći* ‘обманщик’ и *bultanći* ‘болтун, смутьян’ могут рассматриваться как осложнённые отглагольные образования на *-(a)n-ći*, но оба эти слова образованы от глаголов, заимствованных из татарского языка (*aldanĭ* ‘обманывать’ см. [Csúcs 1990: 101], а удм. *bultanĭ* ‘перемешивать, мутить; болтать’ является, очевидно, результатом контаминации тат. *bölyä-* ‘перемешивать, мутить’ и рус. *болтать*). Во всех остальных случаях мы имеем либо прямое заимствование из татарского, либо собственно удмуртский *nomen agentis* на *-ći*, но никак не от отглагольного существительного на *-an* ~ *-on*.

Морд. (Э) *suvonćej* ~ *suvonźej*, (М) *śamǎńcä* ~ *śufǎńcä* как будто не могут отражать тат. источник с *-VjV-*. Морд. *-v-* (*-m-*) может восходить к **-v-*, **-ŋ-*, **-γ-* языка-источника. Наиболее вероятна в данном случае последняя возможность (ср., например, приводимое

Х. Паасоненом алт. *sügünči*). Е.А. Хелимский [Helimskij 1984: 197-198], а вслед за ним и я [Напольских 1995] указывали на возможность былого существования в Среднем Поволжье Р-тюркского (булгарского типа) языка / диалекта, в котором общетю. *j- соответствовал звук типа *ǰ-, и из которого в пермские языки попало несколько слов (с отражением тю. *j- > *ǰ- как перм. *g-). Развитие *j- > *g- в словах с узкими гласными наблюдается в мишарском диалекте татарского языка [Махмутова 1978: 85]. Рассматриваемые мордовские слова, однако, едва ли могут происходить из мишарского диалекта, так как тат. -g- / -ǰ- обычно передаётся в мордовских как -g-, за исключением, впрочем, одного случая: морд. (Э) *ulov* ‘мертвец’ < ? тат. *ülök* ‘тж’ [Paasonen 1897: 12, 57]. Возможно, таким образом, что морд. (Э) *suvońcej* ~ *suvońzej*, (М) *śatəńcä* ~ *śufəńcä* восходят к форме типа **süǰünce*, имевшейся в некогда распространённом в Среднем Поволжье тюркском (булгарского типа – ?) языке / диалекте с системным переходом тю. *j > *ǰ не только в начале, но и в середине слова.

Итак :

тю. **süj*- ‘любить’

тю. **süjün*- ‘радоваться’

**süjün* (če) ‘радость, радостная весть’

тю. язык X
**süǰünce* ‘радость, радостная весть, вестник радости’

морд. (Э) *suvońcej* ~ *suvońzej*,
(М) *śatəńcä* ~ *śufəńcä*
‘радость, радостная весть’

тат. *söjön* (če) ‘радость, радостная весть, вестник радости’

→ мар. *süan* ~ *süjän* ‘свадьба; поминки’

→ удм. *śuan* ~ *śuǰan* ‘свадьба; поминки; жертвоприношение и т.д.’

Примечания.

¹ Данная статья написана на Кафедре финно-угроведения Гёттингенского университета в рамках работ по гранту, предоставленному Фондом им. Александра фон Гумбольдта (*Alexander von Humboldt Stiftung*).

² Возможно, допущение значения ‘пир’ для ППерм. **śojan* связано с тем, что наиболее адекватное немецкое соответствие удм. *śion*, коми *śojan* – ‘Essen’ может иметь

также (с неопределённым артиклем, *ein Essen*) значение ‘(торжественный – в ресторане, для официальных лиц и т.п.) завтрак, обед, ужин’.

³ Данное примечание добавлено для электронной публикации, и в LU отсутствует! Скорее следует реконструировать ПТю **sügün-*, откуда (с сохранением *-g-) морд. формы, которое в большинстве тюрк. языков (в особенности – в Поволжье, что, возможно, отражает ещё болгарский переход *-g- > -j- / -w-) перешло в **süjün-*, откуда – удм. и мар. слова.

Сокращения.

Алт. – алтайский, казах. – казахский, мар. – марийский (Г – горное наречие, Л – луговое наречие, В – восточное наречие), морд. – мордовский (Э – эрзянский, М – мокшанский), нем. – немецкий, ППерм. – прапермский, ПФУ – прафинно-угорский, рус. – русский, тат. – татарский, тюрк. – тюркский, удм. – удмуртский (закам. – закамские говоры), чагат. – чагатайский.

Литература.

- Бубрих Д. В. 1949. Грамматика литературного коми языка. Ленинград.
- Махмутова Л. Т. 1978. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. Москва.
- Напольских В. В. 1995. О “древнетюркских” заимствованиях в удмуртском языке // *Финно-угроведение*. Йошкар-Ола, № 3-4.
- Насибуллин Р. Ш., Дудоров В. Ю. 1992. Обратный словарь удмуртского языка. Ижевск.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV, часть 1. Санкт-Петербург. УРСл 1983. – Удмуртско-русский словарь / Ред. В.М. Вахрушев. Москва.
- Beke Ö. 1954. Neuere finnisch-ugrische morphologische Untersuchungen. I // *Acta linguistica*. Т. 4:1-2. Budapest.
- Bereczki G. 1992. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte. Teil II // *Studia uralo-altaica*. Т. 34. Szeged.
- Csúcs S. 1990. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest.
- Fokos-Fuchs D. R. 1959. Syrjänisches Wörterbuch. Bd. I-II. Budapest.
- Helimskij E. 1984. Permi szófejtések // *Nyelvtudományi közlemények*. Köt. 86:1. Budapest.
- Holmberg U. 1914. Permalainen uskonto. Porvoo.
- Munkácsi B. 1896. A votják nyelv szótára. Budapest.
- Paasonen H. 1897. Die türkischen Lehnwörter in Mordwinischen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 15. Helsinki.
- Paasonen H. 1902. Votják-török szójegyeztetések // *Nyelvtudományi közlemények*. Köt. 32. Budapest.
- Paasonen H. 1948. Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki.
- Paasonen H. 1994. Mordwinisches Wörterbuch. Bd. IV. Helsinki.
- UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986-1991.
- Wichmann Y. 1987. Wotjakischer Wortschatz. Helsinki.